

Хоронили почетную особу, и допущеніе молодого префекта къ публичному собесѣдованію въ такую минуту можетъ служить до извѣстной степени аттестаціей ему.

С Л О В О

на погребеніе Ея Превосходительства Генераль-Поручицы
Наталиі Димитріевны Чертковой, скончавшейся мая 21 дня
1790 года въ Воронежѣ.

Блажени мертвіи умирающіи о Господь отъ нынѣ: Ей глаголетъ Духъ: да почиють отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходять вслѣдъ съ ними! (Апокал. гл. 14, ст. 13).

Изъ всѣхъ перемѣнъ жизни самая обыкновенная, но при томъ и чувствительнѣйшая для человѣка, повидимому, есть отшествіе отъ свѣта тѣхъ особъ, коихъ сообщество составляетъ его благополучіе, слушатели,—минута, въ которую смерть, сей тираннъ болѣе живыхъ, нежели подвергшихся ея власти человѣковъ, минута, говорю, въ которую она пресѣкаетъ нить ихъ житія, съ плачевною, но ничѣмъ невозвратимою потерею всѣхъ тѣхъ удовольствій, которыя приносило ихъ бытіе. Всѣ утраты, всѣ лишенія, всѣ бѣды и напасти при жизни сколько бы велики и жестоки не были, всегда услаждаются хотя нѣкоторою надеждою возвращенія прежнихъ удовольствій, но со смертію особъ намъ любезныхъ мы лишаемся и надежды возвратить ихъ себѣ! А потому, съ какими чувствованіями взирать мы можемъ на смертные останки тѣхъ людей, коихъ жизнь для насъ была драгоценна? Съ какимъ, напр. ощущеніемъ сердца обратитъ взоръ нѣжный супругъ на бездыханную лежащую въ гробѣ вѣрную свою супругу? Что скажутъ навѣчно сомкнувшіеся очи и опѣмѣвшіе уста любезнаго друга? Чѣмъ утѣшится облагодѣтельствованный, зря во гробѣ десницу, которая осыпала его благодѣяніями? Съ какимъ сердцемъ приступитъ вѣрный рабъ къ охладѣвшему тѣлу того, кто при имени господина былъ ему вмѣсто отца? Словомъ, всѣ они, какими слезами оросятъ любезные имъ останки смерти? какими знаками изліютъ чувствованія сердца?..

Не моихъ силъ дѣло отвѣтствовать на то, что больше ощущать, нежели изъяснить возможно. Нѣтъ человѣка, который бы въ жизни не зрѣлъ съ собою таковыхъ случаевъ; слѣдовательно нѣтъ человѣка, который бы безъ всякаго изъясненія въ себѣ самомъ не дозналъ тѣхъ чувствованій, которыя при семъ возбуждаетъ и движитъ въ сердцахъ каждаго сама природа и которыя она для успокоенія оставляетъ одному только времени!

Но сколь ни достойна кажется оплакиванія смерть намъ любезныхъ особъ, однакожь здравый разумъ, а наипаче наша вѣра, если не совсѣмъ природному побужденію противное повелѣваетъ, то по крайней мѣрѣ совѣтуетъ сколько можно умѣрять оное, представляя, что смерть усопшихъ о Христѣ по справедливости достойна не рыданій. Св. Ап. Павелъ — *не скорбите*, говоритъ, *якоже и прочіи человецы, не имущіи упованія*, т. е. тѣ, кои не будучи сынами обѣтованія Христова, находятся въ неизвѣстности о будущемъ времени. Но поелику насъ въ семъ самъ Духъ Св. утѣшаетъ, свидѣтельствуя, что наши о Христѣ умершіи блаженны, то мы, кажется, несходственно съ ихъ новымъ состояніемъ будемъ поступать, когда станемъ ихъ оплакивать. Разсмотримъ сіе въ слѣдующемъ словѣ: какія причины во утѣшеніе наше о смерти намъ любезныхъ особъ предлагаетъ намъ разумъ и какое сверхъ того блаженство умирающихъ открываетъ намъ вѣра.

Издревле языческіе мудрецы, разсматривая сущность перемѣнъ человѣческой жизни, по одному внушенію разума не сомнѣвались признавать блаженными тѣхъ, кои подверглись ударамъ смерти: бѣдность человѣческаго естества ихъ столько поражала, что они говорили: лучше не родиться, или родившись скорѣе лишиться жизни; всѣ возрасты человѣческаго вѣка занимались, казалось, такими вещами, для которыхъ не сожалѣтъ ли надо жизнь, ибо младенчество наше, говорили они, проходитъ въ незнаніи самихъ себя, юность—въ пустыхъ или безполезныхъ упражненіяхъ, мужество—въ суетныхъ предпріятіяхъ, а старость—въ болѣзняхъ и изнеможеніи, и потому не напрасно, кажется, въ древности одинъ цѣлый народъ имѣлъ обыкновеніе встрѣчать рождающихся дѣтей своихъ на свѣтъ со слезами, а умирающихъ погребать съ торжественнымъ ве-

селіемъ;—при всемъ томъ однакожъ тѣ жалобы человѣчества на смерть, которыя мы слышимъ почти вездѣ и нынѣ, слышны были во всѣхъ вѣкахъ и въ древности: и тогдашніе мудрецы, какъ и нынѣ всякій благоразумный—во всемъ здоровомъ разсудкѣ находить, обыкновенно говорили и говорятъ всегда о своей или другихъ себѣ любезныхъ смерти, что она несчастными дѣлаетъ ихъ, прерывая жизнь прежде времени и похищая отъ свѣта съ такими добродѣтелями и качествами, кои достойны должайшія и безсмертныя жизни...

Но человѣческой ли волѣ полагать себѣ предѣлы жизни? Отвѣтствовали такъ на сіе философы: она есть вещь, данная намъ отъ судьбы взаимы, безъ оброку; и такъ, не всякой ли часъ нашей жизни, по изволенію тояжде судьбы, можетъ почетъся срокомъ и временемъ нашей жизни? Ни тотъ, кто умеръ въ юности, ниже тотъ, кто въ мужествѣ и старости, не умеръ прежде его времени. Надобно лучше признаться, что если жизнь имъ была пріятна, то они счастливы, а не бѣдны, что долѣе нежели сколько можно было ею наслаждались. Если же она была горька, то они счастливы, что оной лишились, Притомъ нѣтъ человѣка, котораго бы большая часть жизни не заключалась въ огорченіяхъ и бѣдахъ, и потому, знаемъ ли мы, какія должно бы было имъ еще терпѣть напасти, которыхъ по счастью избавляетъ ихъ коса смерти?— Но они-де мало жили на свѣтѣ!?— Ахъ! не числомъ лѣтъ, но числомъ добрыхъ и полезныхъ свѣту дѣлъ жизнь измѣрять должно. Сколь много такихъ людей, кои при осмидесяти или столѣтней жизни кажется какъ бы совсѣмъ не жили на свѣтѣ? Напротивъ, сколь много юныхъ, въ маломъ числѣ дней своихъ знаменитыми и полезными дѣлами свершившихъ лѣта долги?— и если дѣла сіи намъ показывали ихъ достойными должайшія жизни, то спросимъ самихъ себя, таковы-ль бы были они всегда, каковы они умерли? не занимали-ль бы себя какими нибудь беззаконіями, несноснѣйшими дѣлами? Если бы Перонъ умеръ въ первыя пять лѣтъ своего владычества, то имя его всегда съ похвалами произносилось бы въ потомкахъ. И такъ нѣтъ счастья не умирающихъ. Блаженъ умирающій, бывшій полезнымъ свѣту! И блаженъ свѣтъ, имѣвшій его и лишившійся прежде нежели самъ онъ сдѣлался недостойнымъ свѣта! Вотъ, слушатели, какъ утѣшали себя

о смерти единымъ разумомъ предводимые и, по словамъ Ап. Павла, *неимущіе никакого упованія*, древніе язычники.

Но мы, сыны обѣтованія, другое преимущественнѣйшее имѣемъ утѣшеніе, взирая на теченіе дней нашихъ и разсуждая коликимъ бѣдамъ, болѣзнямъ, превратностямъ, заботамъ, оскорбленіямъ и огорченіямъ подвержена жизнь наша, сколь малая часть оныя проходитъ—не говорю въ совершенномъ, но едва въ нѣкоторомъ услажденіи. Наконецъ, сколь она быстра и скоротечна. Мы благонадежнѣе можемъ сказать, что блаженны люди, будучи созданы съ тѣмъ, чтобъ умирать, и блаженны умирая скорѣе. Ибо блаженство умирающихъ не въ единомъ токмо лишеніи бѣдъ и искушеній міра состоитъ, но паче въ наслажденіи по смерти вѣчною жизнію.

Аще бо умираемъ Богови, и намъ умерети, по сл. Ап. Павла, *пріобрѣтеніе есть*. Благочестно умирая о Христѣ, мы, по обѣтованію Духа Св., *почиваемъ отъ трудовъ своихъ*. И добрыя наши дѣла пріобрѣтаютъ намъ болѣе, нежели чего лишаемся, ибо вмѣсто тлѣннаго и суетнаго міра мы настѣдуемъ вѣчное небо, вмѣсто грѣха—вѣчную правду, вмѣсто плача—утѣшеніе, вмѣсто слабости—крѣпость, вмѣсто смерти—животъ, *умрети пріобрѣтеніе есть*. Отходя отъ здѣпробывающихъ намъ любезныхъ, мы не навсегда лишаемся ихъ, но токмо предворяемъ ихъ: въ то мѣсто они скоро придутъ. Тогда узримъ другъ друга съ большимъ и честнѣйшимъ удовольствіемъ. *И бывъ въ собраніи Господнемъ*, по слову Исаіи пророка, *обратимся и прійдемъ въ Сионъ съ радостію, и радость ны пріиметъ, отъсѣжитъ болѣзнь, печаль и воздыханіе. Блаженны убо мертвіи умирающіи о Господѣ*.

Итакъ, разсудивъ о семъ, должно ли о нашей смерти или намъ о смерти ближнихъ умирающихъ о Христѣ погружаться въ слезахъ? Должно ли, какъ бы завидуя ихъ блаженству, рыдать о томъ, что они того достигли? Пусть будемъ жертвою нашего съ ними разлученія. Немногія слезы, о которыхъ признаться должно, что сама природа отъ насъ ихъ и при всякомъ другомъ разлученіи требуетъ, но и тѣ да растворятся утѣшеніемъ. Потщимся лучше, дабы съ ближними умершими о Христѣ жить и умирать такъ, какъ жили и скончались они.

Сія колико достоинствомъ, а паче добродѣтелями знаме-

нитая боярыня Наталія! Шестидесятилѣтній подвигъ Ея жизни ознаменованъ былъ каждый день новыми совершенными примѣрами благочестія, вѣрности, человѣколюбія и чувствительности. Нѣтъ нужды намъ восхвалять Ея добротели, они всѣмъ окружавшимъ и знавшимъ Ее извѣстны. Свидѣтели Ея ревностнаго благочестія суть здѣшніе храмы, кои она съ истинною набожностію посѣщала. Похвала Ея вѣрности и супружеской любви напечатлѣна въ сердцахъ достопочтеннѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго Ея супруга, зрѣвшаго оныя чрезъ 38 лѣтъ. Любезныя ихъ чада засвидѣтельствуютъ о Ея матернемъ и благоразумномъ о ихъ попеченіи. Ближніи изъяснятъ намъ ту Ея привязанность и любовь, которую ничто, какъ едино добросердечіе Ея къ нимъ умножило. Друзья восхвалятъ намъ чистоту Ея совѣсти. Бѣдныя и вдовы, облагодѣтельствованныя ея даромъ, и многія сироты, воспитанныя подъ Ея благоразумнымъ попеченіемъ и изведенныя въ свѣтъ ея щедротою, предъ нами возвѣстятъ рѣдкое Ея человѣколюбіе. Наконецъ, чувствительность Ея къ бѣдствующимъ и несчастнымъ—собою докажутъ окропляющія гробъ ея слезами и по самую Ея кончину воспитавшіяся подъ Ея руками сироты; словомъ, всѣ Ее окружавшіе довольно громко прославляютъ и всегда будутъ прославлять ее.

Утѣшитесь убо, ближніи, о Ея смерти—Ея добродѣтелями; внемлите гласу Ея, который Она съ небеси вамъ вѣщаетъ: дражайшій супругъ, любезная чада, и всѣ мои ближніи! разлученіе наше не вѣчно: судьба искони положила не мнѣ къ вамъ возвратиться, но вамъ ко мнѣ придти въ небесныя селенія, гдѣ я васъ буду встрѣчать съ такою радостію, съ какимъ огорченіемъ вы меня провождаете. Я, по Ап. слову, *подвигомъ добрымъ подвизалась, теченіе совершила, прочее остается мнѣ — вѣнецъ правды, его же уготова Богъ любящимъ Его*. Во утѣшеніе вамъ я самый лучший посылаю отъ себя даръ, т. е. желаніе, да будете и вы со мною на небеси.—Аминь.

Притисано: Говорено 1790 года мая 23 дня въ Воронежскомъ дѣвичьемъ монастырѣ префектомъ Ефимомъ Болховитиновымъ.

Сообщилъ Предсѣдатель Воронежскаго Губернскаго Музея
Священникъ Ст. Золотевъ.